

Память сердца

Большое количество материалов о родном Сенгилее предоставили нам Михаил и Георгий Стоцкие. Жизнь раскидала братьев по разным городам. Михаил после окончания КАИ остался жить и работать в Казани. Георгий – инженер-строитель, жил в Саратове, вернулся в Ульяновск. В Казани у Михаила Борисовича хранятся семейные фото и дореволюционные снимки Сенгиля, архив матери. Георгий Борисович (внизу на фото 1948 года) аккуратно оформил и подписал альбом со снимками всех уголков старого Сенгиля. Оба брата написали воспоминания и завещали детям и внукам помнить свои истоки и любить этот город.

Род Костырко-Стоцких имеет дворянские корни и хорошо известен симбирским краеведам. Бабушка со стороны отца – Ольга Александровна Манчет, прабабушка – Мария Васильевна Рославлева. Имя деда вписано в историю Промзино-Сурского: Гаген Александр Карлович был управляющим имением Промзино графа Рибоьера.

Надеемся, что эти добрые очерки-воспоминания **Михаила Стоцкого** будут интересны широкому кругу читателей.

Купание на Волге

Старая Волга, жившая миллионы лет до создания «искусственных морей», была живописнее и уютнее. Многочисленные острова, протоки, берега, поросшие лесами, лодки и пароходы придавали реке неповторимый вид.

Купаться в Сенгилее лучше всего было на песчаном острове Середьш против города. Переправлялись на него на лодках – около 400 метров. Сам остров был чисто песчаным, поросшим кустами ивы. Купание там было знатное, да и вода очень чистая. Во всяком случае, мы часто пили ее прямо с лодки и не болели.

На правом берегу у Сенгиля купались по всему берегу, но дно было каменистым, тинистым, и вода грязнее. Со стороны Выборной на берегу лежало десятка полтора валунов – на них хорошо было греться после купания. Были они темно-коричневого цвета, от 1,5 до 3 метров в диаметре. Таких по берегам Волги больше не встречалось. Как они попали туда? Принесли их ледник, или сформировались они в древнем океане, – кто знает? Перед затоплением Куйбышевского водохранилища их взорвали. Видимо, боялись, что помешают судоходству. Мне жаль их, ведь они были частью моего детства.

Остров Костамыш

Против Сенгиля за песчаным островом у левого берега был большой остров Костамыш: 10-12 км в длину и более километра в ширину. Росли на нем вековые дубы и липы, было несколько озер и видимо-невидимо ежевики, везли ее отсюда ведрами. В озерах было много рыбы и водяных крыс. За островом была протока – Бельская воложка – живописнейшее место. А сколько рыбы!

Очень красиво было на острове в разлив Волги: плавали на лодке между деревьев. На острове жил бакенщик, который зажигал на деревянных бакенах фонари. В любую погоду он обязан был зажечь эти керосиновые фонари для обеспечения безаварийного движения судов.

За несколько лет до затопления острова работала водолазная группа по

подъему со дна мореного дуба. В 1955 году все деревья на острове были спилены и уложены в бунты, но вывезти их не успели, и бунты были сожжены – погибли сотни тысяч кубометров отличной древесины. Но если бы ее оставили, то полая вода подняла бы лес, и его напор мог прорвать плотину, засорить водосбросы и принести еще больший вред.

Старая Волга с ее романтикой ушла в небытие. Молодежь не видела ее и не знает, какой она была живописной, красивой, чистой и прекрасной.

Рыба

Рыбы на Волге было всегда много, особенно в Воложках – рукавах и протоках. Ловили ее рыбхозы сетями, ловили взрослые и дети всевозможными способами, с лодок и с берега... Водилась царь-рыба белуга, много было осетров, стерляди, жерехов, судаков, не говоря о лещах, сорожке, щуке. Водилась и знаменитая волжская селедка...

Конечно, рыба в Волге осталась и сейчас, но значительно меньше и худшего качества. Пропали нерестилища в лугах и озерах, притоках Волги. Плотины перегородили извечные пути миграции рыб. Стала грязной и отравленной вода. Свою вредную лепту вносят браконьеры.

Венец

Название Венец часто встречается в поволжских городах, когда речь идет о высоком берегу Волги. Старый и Новый Венец в Симбирске-Ульяновске были улицами и набережной. Был Венец и в Сенгилее. Он располагался на берегу центральной части города, в конце улицы Ворошилова (ныне Октябрьская). На высоком берегу стояла беседка, позднее фундамент от нее. Росли кусты акации, был деревянный заборчик. На это место любили приходить сенгилеевцы, посмотреть на Волгу, погулять. Особенно много народа бывало в ледоход – зрелище незабываемое.

Ниже Венеца, у берега, росли могучие ветлы. Неизвестно, когда и кем они были посажены или выросли сами, но были они одним из символов Сенгиля.

Когда-то очень давно, в середине XIX века, в районе Венца было кладбище. Вспомнили об этом перед затоплением водохранилища. Отсыпали в Сенгилее дамбу, а грунт брали с Венца. Вот тогда и посыпались в кузова машин вместе с землей кости и черепа сенгилеевцев, живших и похороненных в прежние века. Зрелище не из приятных, но почему-то не было приостановлено. И до настоящего времени вдоль берега отмываются кости наших предков. А Венца в Сенгилее уже нет и, наверное, не будет...

Берева

Верхняя Бечева, Нижняя Бечева – это леса вверх и вниз по Волге от Сенгилея... Их названия пошли от тех времен, когда ходили бурлаки. Часть берега от воды и выше называлась бечевник. Чтобы проход для бурлаков оставался свободным, на этой полосе запрещалось оставлять лодки или перегораживать ее чем-либо.

Сейчас уже давно ушли в небывшие бурлаки, но названия остались, напоминающие о том дальнем нашем прошлом.

После заполнения водохранилища берега на Волге стали интенсивно разрушаться. Облик берегов Волги сильно изменился, а отмываем береговой полосы (бечевника) мешают постоянные колебания уровня. Не скоро, видимо, стабилизируются берега.

Пристань

Каждую весну после ледохода в Сенгилей приводили пристань-дебаркадер. Ставили ее традиционно на Бутырской стороне. По маршруту «Сенгилей-Ульяновск» каждый день ходили местный пароход «Джон Рид» и два парохода «Кольцов» и «Власть Советов» сообщением Ульяновск-Куйбышев. Приставали в Сенгилее и пароходы других линий. Каждый имел свой гудок, по нему и узнавали, какой пароход подходит.

В основном это были колесные пароходы, реже – винтовые. Три парохода были с одним колесом сзади. Это – «Жемчужина», «Бирюза» и «Яхонт».

Пристань на Бутырках стояла до конца половодья. В июне ее переводили к цементному заводу вверх по реке, километров за восемь от Сенгилея. Добираться до пристани можно было пешком по берегу, на лодке или верхней дорогой на машине.

После затопления водохранилища в Сенгилее был открыт порт в заливе речки Сенгилейка.

Пристань всегда оставалась местом,

где много народа, особенно в часы прихода пароходов. Сейчас судоходство на Волге пришло в упадок, и порт в Сенгилее, как в большинстве городов на Волге, как будто замер. Хочется верить, что Волга снова оживет; как и прежде пойдут по ней красавцы-теплоходы, трудяги-буксиры, самоходки-грузовозы и мелкие суда. Оживет и порт в Сенгилее.

Затопление

В 1950-е годы началось и завершилось строительство грандиозной Куйбышевской ГЭС на Волге. Мне довелось быть свидетелем этого строительства. Проплывал я и на пароходе в зоне стройки перед самым перекрытием, когда вся Волга шла в проране около 300 метров. Течение было настолько сильным, что пароход в одиночку не справлялся с ним и помогали буксиры. Стройка шла днем и ночью при свете прожекторов: большая часть рабочих были заключенными.

После перекрытия плотины вода в водохранилище стала подниматься. Были подготовлены берега. Перенесены на новые места села и города, спилены и сожжены деревья на островах и берегах в зоне затопления.

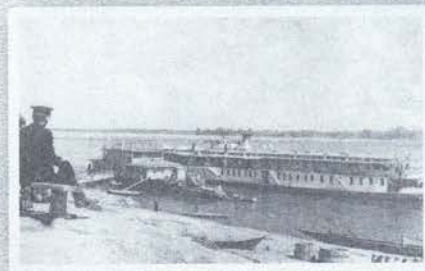
Наш выпуск средней Сенгилеевской школы в 1956 году был последним в старом здании. После выпускного вечера мы вышли на берег. Вода уже прибывала. Вокруг школы все здания были убраны. Венец на берегу был скопан. Привычные очертания берегов и прилегающих улиц менялись на глазах. Через некоторое время было взорвано и здание школы. Сенгилей нашего детства и юности перестал существовать.

Флодокомбинат

Сенгилеевский плодокombинат существует с 1920-х годов. Он занимал дом купца со складами, а позднее и церковь, где располагался консервный цех. В 1942 году прибыло оборудование Сталинградского пищекомбината.

Производил завод варенье, повидло, мармелад, натуральные вина, наливки и настойки, морсы, овощные и мясные консервы. Все делалось из натурального, свежего сырья и было отменного качества. В 12 км от города завод имел свою плантацию, где росли малина и клубника, смородина и вишня, слива и яблоки. Собирали ягоды брали ребята и взрослые. Все наедались от души и домой ягоду приносили.

Наш отец, Стоцкий Борис Васильевич, много лет работал на заводе начальником цеха и главным инжене-

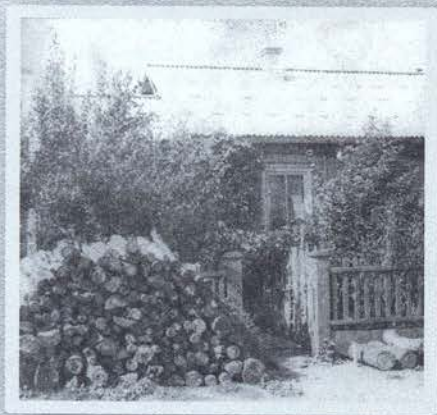

ром с 1935 по 1960 годы. На пенсии он написал подробную историю завода, который ныне называется «Родниковая долина».

Земляной мост

Об этом мосте помнят только старики. Он представлял собой земляную дамбу и арочный кирпичный пролет над речкой Сенгилейка. Соединял центральную часть города и Бутырки. Однажды, после сильных ливней, мост рухнул. Вместе с мостом упали три человека. Двое выбрались, а третий утонул. Помню даже его фамилию – Гуляев. Нашли тело через два месяца на Буерацких песках. Мост так и не восстановили. Сделали деревянный, пешеходный, с правой стороны основного. Так он и существовал до затопления. А транспорт объезжал по другому мосту, у мельницы. Капитально отстроенный, этот мост существует и сейчас, а о «земляном» осталась только память и редкие фотографии.

Дороги

В 1940-50-е годы с дорогами в Сengилее было неважно. Сообщение с Ульяновском было только по воде или на случайных грузовых машинах. Зимой дорога устанавливалась по Волге. Самое опасное время – весна. Верхней дорогой проехать было уже нельзя, а по Волге – опасно. Каждый год проваливалось под лед до 10 машин. Были случаи, когда пассажиры уходили под лед вместе с машиной.

На верхней дороге самым опасным местом была Тушинская гора. Крутая, с поворотами, с глубоким оврагом на обочине, она регулярно снимала «богатый урожай» разбившихся машин и погибших людей. Еще одним опасным местом была так называемая «восьмерка». Это был крутой спуск с тремя резкими поворотами в районе Белого Ключа.

По дороге на пристань, к цементному заводу побилось немало машин.

Только после затопления Куйбышевского водохранилища, когда стало невозможным ездить по Волге зимой, были проведены работы по созданию хорошей дороги и реконструкции подъема на Тушинской горе. В 1970-х годах открылись регулярные пассажирские рейсы – сообщение с Ульяновском стало простым и нормальным.

Кино

Это сейчас все привыкли к телевизорам, компьютерам, видеомэгнитофонам, а во времена моей молодости самым интересным для нас было кино. Картины шли обычно по два дня, по 2-3 сеанса. Сначала кинотеатр был в церкви у завода, а потом – в двухэтажном здании, напротив торговых рядов. Народ очень активно ходил в кинотеатр. Было это доступно, интересно. Перед сеансом картины обязательно был киножурнал о жизни в стране, новостях и достижениях. После короткого перерыва начинался фильм. Сколько замечательных минут было пережито в кино!

Футбол

В 1940-50-е годы футбол в Сengилее был очень популярен. Футбольное поле находилось там, где сейчас расположены магазины, универмаг, почта, банк, исполком. Ежеженедельно проходили футбольные встречи с командами других районов и городов. И народу на эти встречи собиралось всегда много, и «болели» по-настоящему. Одним из самых активных футболистов был Геннадий Прокудин, ветврач.

Ростя

Это имя в Сengилее в послевоенное время было известно старому и малому. Это был наш дядя, Ростислав Васильевич Стоцкий. В раннем детстве он переболел полиомиелитом и не мог ходить: не работали ноги, правая рука, тело было изуродовано, а сам он весил 26 кг. Голова у него была умная, и воля сильная. Ростя самостоятельно прошел курс школы, хорошо пел и рисовал, играл на гитаре и мандолине. Инвалид первой группы, он до последних своих дней работал: рисовал картины, писал лозунги, афиши в кинотеатре и клубе, таблички для кладбища. Вокруг него всегда было много молодежи. Он постоянно что-то придумывал, организовывал. Передвигался в самодельной трехколесной велоколяске. Его многочисленные

друзья брали его на вечера, поездки на лодке, в лес и походы. Он не пропускал кинофильмов, присутствовал на танцах, футбольных матчах. Были у него и женщины. В общем, жил Ростя полноценной жизнью, ни на что не жаловался, был большим оптимистом, несмотря на свое тяжелейшее положение.

Тротуары

После войны в городе оставались жалкие остатки отдельных досок старых тротуаров. Новые деревянные были сделаны в начале 1950-х по улицам Ленинская, Ворошилова (ныне Октябрьская), в центре и по Училищному переулку (от педучилища до бывшей почты). Мы, мальчишки, специально ходили бегать по новым тротуарам – это было так здорово! Просуществовали они до затопления водохранилища, в 60-е годы появились новые улицы и новые, уже каменные и асфальтовые, тротуары. Но те, первые, деревянные, мне были дорожее и уютнее.

Сады

Сengилеевский уезд всегда славился своими садами. Осенью баржи чалились к берегу Волги и загружались яблоками, грушами и другими фруктами. Кроме малых садов, при каждом доме были большие купеческие сады вокруг Сengилея. Они существовали и после революции, постепенно приходя в упадок. Большой удар нанесли им морозы 1941-42 годов, когда сады замерзли и были вырублены.

Сейчас в Сengилее много садов. Даже на улицах растут плодовые деревья. Жаль только, что большая часть урожаев гибнет. Некуда их продать – заготовители не работают. А как хотелось бы, чтобы Сengилей опять обрел былую славу поставщика фруктов и ягод.

Водопровод

Сengилей всегда славился высоким качеством питьевой воды. В прошлые века водопровод был из деревянных труб, вода по ним самотеком шла из источников в меловых горах.

В советское время (до конца 1950-х годов) воду выдавали в специальных водозаборных будках за талоны. Талоны продавали в коммунальном отделе пачками в 100 штук: по 2 копейки за штуку. На талон можно было налить два ведра. В будке сидела женщина и включала воду, получив талон. С другой стороны будки была труба для наполнения бочек на телегах. Таких

будок было по городу около десятка. Развозили воду и для предприятий. Вода не хлорировалась и не обрабатывалась. Пить ее можно было без кипячения. Команды и пассажиры пароходов спешили набрать сенгилевской воды в запас.

Поездки на пароходе

От Сенгилея до Ульяновска ходил небольшой пароходик «Джон Рид». Была на нем пара кают, но в основном все пассажиры располагались на палубе, корме, в проходах. Пароходик был колесный и плавал не быстро, останавливался на всех малых пристанях: Белый Яр, Цемзавод, Шиловка, Кriuши, Панская, Ульяновск. Ходил он долго, но однажды затонул около Шилковки при столкновении с баржей. Позже ходил подобный ему пароходик «Ян Фабрициус».

Плывать на пароходе мне всегда нравилось. Недаром же я поступал в военно-морское училище, а потом в Горьковский институт инженеров водного транспорта.

С возникновением водохранилищ пошли по Волге и другие пароходы: двух-, трех-, четырехпалубные красавицы, а старые и заслуженные постепенно уходили в затоны и использовались как жилые брандвахты или резались на металлолом... Жаль, что не осталось старого парохода-музея.

Они запомнились

Написать обо всех дорогих сердцу сенгилеевцах невозможно, но есть такие, умолчать о которых нельзя.

Мельников Вячеслав Николаевич – человек легендарный. Активный участник революционного движения 1905-1906 годов. Был во главе бунта крестьян села Кротково. Автор телеграммы царю с требованием отменить смертную казнь, возвратить войска с Дальнего Востока, назначить судебное разбирательство по делу рабочих Петербурга 8-10 января 1905 года.

В советское время он был учителем, а во времена нашего детства был на пенсии. Вячеслав Николаевич лечил земляков своими методами и сам делал многие лекарства и микстуры. В трудные послевоенные годы многих лекарств не было, и он, безусловно, делал большое дело.

Был он убежденным последователем учения Льва Толстого. А еще – замечательным садовником и огородником. И фрукты, и овощи – все у него было отменное, особенно запомнились большие и вкусные помидоры.

Другой неординарный сенгилеевец – Сироткин Егор Борисович. До рево-

люции Егор Борисович был священником, а когда церкви стали закрывать, поселился в Сенгилее и сапожничал. Он жил со своей женой на нашей улице у речки в маленьком домишке. В 1940-50-е годы супруги были далеко не молоды (в браке прожили около 70 лет). Жили тихо, в их маленькой комнате было много икон. При встрече с нами, детьми, Егор Борисович шагов за десять протягивал руку и говорил скороговоркой: «Добрый день! Как мама? Как папа? Как ваше здоровье?» – и всегда улыбался. Была у него и большая странность: спал он в гробу! В конце концов, он похоронил в этом гробу жену, а сам уехал в бывший город Ставрополь, ныне Тольятти.

Елки

В Новый год и в Рождество в доме всегда устанавливалась елка, и стояла она почти весь январь. Даже в самые тяжелые военные годы родители старались сделать нам подарки, пусть самые простые и скромные, но такие желанные и ожидаемые.

Праздничную елку для детей делали у врача Быстрицкого. Были там детиресники его младшей дочки Юли. Бывали Неклюдовы, Рамзаевы и другие, чьи фамилии стерлись в памяти.

На пищекомбинате, где работал отец, женсовет тоже делал елку для детей работников. В какой-то из военных годов мы получили гостинец: по большому ломтю хлеба с тыквенным повидлом...

Больница и враги

Каменное двухэтажное здание Сенгилеевской земской больницы было построено в 1900 году и существует поныне. На весь огромный Сенгилеевский уезд с населением около двухсот тысяч человек приходилась 141 койка и 7 врачей. Во времена моего детства в Сенгилее в больнице работало уже много врачей. Два раза я лежал в больнице с серьезными заболеваниями: в 1942 с воспалением легких, а в 1948 году – с малярией. Я благодарен всем врачам и персоналу за свое выздоровление, но здесь напишу только о трех врачах тех лет.

Небольшого роста, с черными, веселыми глазами, немного грубоватая старушка в белом халате – такой запомнилась Елизавета Петровна Пиркова. Врачом она была универсальным, и многие стремились попасть к ней на прием. Уже одним своим разговором с больной она оказывала ему помощь.

Когда в 1948 году я попал в больницу с диагнозом «брюшной тиф»,

подтвержденным консилиумом врачей, только одна Елизавета Петровна настаивала на другом диагнозе – малярия, и оказалась права.

Александр Александрович Быстрицкий – почетный гражданин города, врач-офтальмолог и отоларинголог, человек с большой буквы. Александр Александрович прошел дорогами войны, имеет боевые награды. Более сорока лет трудился он в Сенгилеевской больнице, возвращал людям зрение и здоровье.

Наша семья дружила с Быстрицкими, мы бывали у них в гостях. Их дочь Юля Быстрицкая и сейчас живет в Сенгилее. Я часто вспоминаю этих замечательных людей. Яркий и добрый след оставил Александр Александрович в сердцах многих своих земляков.

Николай Александрович Семенов заведовал малярийной станцией в годы войны, а в послевоенные годы – терапевтическим отделением. Был он чутким и внимательным врачом, хорошо знающим свое дело, получил звание Заслуженного врача РСФСР.

